

Дара Вейн

Handwritten text in a cursive script, likely a letter or a page from a manuscript, resting on a wooden surface. The text is written in a dark ink, possibly from a quill, and is somewhat faded and smudged. The handwriting is dense and fills most of the page. The paper is aged and yellowed, with some visible stains and a slightly irregular edge. To the right of the paper is a small, clear glass inkwell containing dark ink. The background shows a wooden desk with other papers and books, suggesting a historical or scholarly setting.

«Дом, который построил
Генрих»

Дара Вейн «Дом, который построил Генрих»

<https://litres.ru/74486427>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 1939–1952. Швея Нина становится связной советской разведки, передавая данные из тыла врага. Немецкий офицер Генрих, потерявший жену Аннелизе, попадает в плен под Сталинградом и строит сталинскую высотку на Котельнической набережной. Они встречаются на набережной — он видит в ней мёртвую жену, она видит в нём врага, которого ненавидит и любит одновременно. Сожжённые деревни, приказ 0428, расстрел разведчиков, донос конвойного, арест куратора — война не кончается в сорок пятом. Она продолжается в письмах, в молчании, в бетоне дома, который стоит до сих пор.

Дара Вейн

«Дом, который построил Генрих»

Часть первая. Перед грозой (1939–1941)

Глава 1. Фабрика и небо

Нина Соколова проснулась в шесть, как всегда. За стеной кашляла мать — сухо, отрывисто, как собака лает вдали. Нина лежала и слушала. Кашель был старый — довоенный, просто тогда на него не обращали внимания. Были дела поважнее.

Комната — тринадцать метров, окно во двор, печка. На печке — чайник. На столе — хлеб, накрытый полотенцем. Хлеб был вчерашний, серый, с крошками жмыха. Нина отломала кусок, намазала маргарином, пожевала. Маргарин горчил. Она не замечала — привыкла.

— Мам, я на фабрику.

— Мм, — ответила мать из-за стены.

Нина оделась — ситцевое платье, вязаная кофта, ботинки с подковками на каблуках. Вышла в коридор коммуналки. Тётя Поля — соседка, вдова фронтовика — варила на кухне борщ. Борщ в семь утра — тётя Поля всегда варила борщ в семь утра, даже в праздник, даже в горе.

— Нин, — сказала тётя Поля, — слышала? Сталин с нем-

цами договорился. Пакт.

— Какой пакт?

— Пакт о ненападении. Вчера по радио говорили. Молотов подписал. Теперь, значит, войны не будет.

Нина не ответила. Она не верила в пакты. Она верила в хлеб, в нитки, в швейную машинку — в то, что можно потрогать. Пакты были словами, а слова ветер.

— Дай Бог, — сказала она.

— Дай Бог, — повторила тётя Поля и перекрестилась.

Нина вышла на Пятницкую. Утро было тёплое — август, Москва дышала пылью и бензином. По улице шёл трамвай — дзынь-дзынь, по рельсам. На остановке — очередь, все с бумажными сумками. Нина не стала ждать, пошла пешком — до фабрики «Большевичка» на Кирюцкой было двадцать минут.

Шла и думала о брате. Алексей — Лёшка — служил в армии, в Белоруссии, под Минском. Писал редко, коротко: «Здоров. Служу. Скучаю». Нина скучала тоже, но не писала — не умела. Письма получались сухими, как хлеб. Она лучше пришлёт посылку — сухари, мыло, носки. Лёшка носки носил быстро — большой, сорок пятый, дырки на пятках.

Глава 2. Генрих и Аннелизе

Дрезден, сентябрь 1939 года.

Генрих Мюллер сидел у постели жены и держал её за руку. Рука была горячая, сухая — лихорадка. Врач сказал: «Воспаление лёгких. Двустороннее. Пенициллин — нет. Ждать».

Ждать чего — врач не сказал. Генрих понял: ждать конца.

— Генрих, — сказала Аннелизе. Голос был тонкий, как нитка, которая рвётся.

— Да.

— Не воюй.

— Что?

— Не воюй. Ты слышишь? Не воюй. Если будет война — не езжай. Останься.

Генрих молчал. Война уже была — Польша пала за восемнадцать дней, Франция — за шесть недель. Рейхсвер стал вермахтом, армия — непобедимой. Генрих — обер-лейтенант 6-й армии, штаб в Дрездене. Приказа пока не было. Но Генрих был солдатом и знал: приказ будет.

— Аннелизе, я не могу не воевать. Я солдат.

— Ты человек.

— Это одно и то же.

Аннелизе закрыла глаза. Слез не было — лихорадка высушила. Она сжала его руку — слабо, как ребёнок сжимает палец взрослого.

— Обещай мне.

— Не могу.

— Обещай.

— Не могу, Аннелизе.

Она отвернулась к стене. Генрих сидел, держал руку, слушал дыхание — частое, прерывистое, как шаги бегущего, который устал, но не может остановиться.

Аннелизе умерла третьего апреля 1939 года. Война началась первого сентября. Между смертью и войной — пять месяцев. Генрих не поехал на польскую кампанию — взял отпуск «по семейным обстоятельствам». На французскую — поехал. Не потому что хотел. Потому что нельзя было сидеть в комнате, где пахло карболкой и пустотой.

Перед отъездом он стоял у зеркала — серая форма, фуражка, Железный крест на груди. Мать смотрела из дверей.

— Ты не ел, — сказала мать.

— Не хочу.

— Поешь.

— Мам, я не ребёнок.

— Ты мой ребёнок, — сказала мать и закрыла дверь.

Генрих посмотрел на фотографию Аннелизе — на комод, в рамке. Светлые волосы, серые глаза, улыбка. Снимок был летний, в саду, в тени яблони. Аннелизе держала чашку — кофе, она любила кофе по утрам. Генрих взял фотографию, положил в нагрудный карман — рядом с сердцем, рядом с приказом, рядом со всем, что было важно.

Глава 3. Приказ №0428

Москва, ноябрь 1941 года.

Нина узнала о приказе не из газет — из разговоров. На фабрике шептались: «Сжигают деревни. Свои. Приказ Сталина».

— Что за чушь? — Нина обернулась к Зине — подружке, соседке по цеху.

— Не чушь. Приказ №0428. Семнадцатого ноября. Сжигать дотла все населённые пункты в тылу немецких войск. Чтобы немцам негде было ночевать.

— Свои деревни? Своим людям?

— А людям куда деваться?

Нина не ответила. Она представила: деревня, избы, печки, куры, дети — и всё это горит. Не от немцев — от своих. Чтобы немцу было холодно. А русскому — куда?

— Зин, это правда?

— Правда. Комиссар Панфиловской дивизии отчитался: пятьдесят деревень сожгли под Москвой за десять дней. Пятьдесят.

Нина отвернулась к швейной машинке. Нитка дрожала — не от мотора, от рук. Она думала о Лёшке. Лёшка был где-то под Москвой — на передовой, может быть, в одной из тех деревень. Может быть, он жёг их. Может быть, в тех деревнях жили люди, которые пекли ему хлеб. Может быть, бабушка тех детей давала ему молоко. А теперь — приказ.

Приказ был как погода: не обсуждают, не критикуют. Выполняют.

Глава 4. Брат

Лёшка написал в декабре. Письмо пришло не треугольником — обычным конвертом, с маркой, с печатью. Странно — фронтовые письма шли треугольниками, без марок. Нина вскрыла и прочитала:

«Нина. Я жив. Был под Волоколамском. Там сгорели де-

ревни. Не спрашивай кто. Мы отступали, и было приказано жечь. Я не могу об этом писать. Но я должен кому-то сказать. Мы жгли деревни, и люди смотрели. Женщины, старики. Они стояли и смотрели, как горит их дом. Молча. Никто не кричал. Это было страшнее крика. Я не сплю после этого. Нина, я не сплю. Лёшка».

Нина сложила письмо, убрала в карман. В цеху гудели машинки. За окном — серое небо, декабрь, минус тридцать. Где-то там, в подмосковных лесах, Лёшка не спал.

Она ответила через неделю:

«Лёшка. Я знаю про приказ. Зина рассказала. Не казни себя. Ты солдат. Солдат не выбирает приказы. Я тебя люблю. Нина».

Ответа не было. Два месяца. Три. В марте пришла похоронка: «Соколов Алексей Петрович, 1918 года рождения, погиб под Ржевом 2 марта 1942 года». Нина стояла в кухне коммуналки, держала треугольный листок и молчала. Мать сидела на стуле и тоже молчала. Тётя Поля принесла борщ — поставила на стол и вышла, закрыв дверь. Борщ остыл. Нина не ела. Мать не ела. Похоронка лежала на столе, рядом с борщом, и это было — вся война: бумага и еда, смерть и жизнь, рядом, на одном столе.

Часть вторая. Разведка (1942–1943)

Глава 5. Курсы

В сорок втором Нина записалась на курсы медсестёр. Но не только.

Курсы были при заводском клубе на Большой Калужской. Преподаватель — военврач второго ранга Григорьев, пожилой, усатый, с усталыми глазами. Учил перевязывать, накладывать шину, останавливать кровь. Нина училась быстро — руки у неё были привычные к работе, швейные, тонкие.

После третьего занятия Григорьев задержал её.

— Соколова, останьтесь.

Нина осталась. Класс пустой, стулья на столах, пахло пылью и карболкой.

— У вас брат был на фронте?

— Был. Погиб.

— Под Ржевом?

— Да.

Григорьев помолчал. Потом:

— Я не просто медик. Я — другое. Мне нужны люди.

— Какие люди?

— Смелые. Тихие. Которые умеют молчать.

Нина смотрела на него. Григорьев был — не военврач. Военврачи не задают таких вопросов.

— Вы из разведки?

— Я из того, о чём не говорят вслух. Нам нужны связные. Люди, которые будут передавать информацию — не шпионить, не взрывать. Передавать. Из Москвы — через определённые каналы — к людям, которые работают в тылу врага.

— Зачем мне?

— Затем, что вы не боитесь. Я смотрю на вас три занятия.

Вы не паникуете, не плачете, не жалуетесь. У вас погиб брат. Вы молчите. Это — редкость.

— Я боюсь.

— Нет. Вы не боитесь. Вы тоскуете. Это разное. Тоска — от потери. Страх — от ожидания. Вы потеряли — но не ждёте. Вы живёте в настоящем. Это — то, что нужно.

Нина молчала. За окном — вечерняя Москва, затемнённая, с щелями света в ставнях. Где-то выла сирена — привычно, как трамвайный звон.

— А если поймают?

— Поймают — расстрел. Вы знаете это?

— Знаю.

— И?

— Я согласна.

Григорьев кивнул. Достал из кармана гимнастёрки папиросу, закурил. Дым был густой, синий, как небо в мае.

— Завтра, в семь вечера, у памятника Пушкину. Подойдёт человек. Скажет: «Лёша просил передать». Вы ответите: «Что передать?» Он даст пакет. Вы принесёте его мне. На следующий день — туда же, в то же время. Всё.

— А если не придёт?

— Значит, его поймали. Тогда вы забудете всё, что знали. Имена, адреса, слова. Забудете и будете шить платья. Это — правило. Если рвётся одно звено — вся цепь исчезает.

Глава 6. Пушкинская площадь

Человек пришёл во-время — ровно в семь. Высокий, в

гражданском пальто, с шарфом, лицо незапоминающееся, как стена без обоев.

— Лёша просил передать.

— Что передать?

Он сунул ей в руку свёрток — маленький, размером со спичечный коробок, обёрнутый в газету. Повернулся и ушёл. Нина стояла у памятника, держала свёрток и смотрела на Пушкина. Бронзовый поэт смотрел вдаль, не на неё — на Тверской бульвар, на деревья, на небо. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Нина подумала: памятник — нерукотворный, а война — рукотворная. И все виноваты.

Свёрток она принесла Григорьеву. Он развернул — внутри бумага, мелкий почерк, цифры и слова на немецком.

— Что там? — спросила Нина.

— Не вашего уровня, — ответил Григорьев. — Передаточное число. Координаты. Сведения о дислокации. Это из Смоленска — от группы «Вперёд».

— От партизан?

— От разведчиков. Партизаны — это одно. Разведчики — другое. Партизаны воюют. Разведчики — знают. Знать важнее, чем воевать.

Нина стала связной. Раз в неделю — иногда чаще — встречала людей на Пушкинской, у Метрополя, на Курском вокзале. Брала свёртки, передавала Григорьеву. Не знала, что внутри. Не знала, от кого. Не знала, кому. Цепь: звено — звено — звено. Она была одно звено, и не видела остальных.

Однажды — в ноябре сорок второго — пришёл другой человек. Не тот, не высокий. Женщина. Молодая, в платке, с сумкой авоськой. Нина ждала у памятника. Женщина подошла и не сказала пароль. Просто посмотрела — и Нина поняла: это своё. Глаза были как у Лёшки — когда он писал про горящие деревни. Глаза человека, который видел и не может забыть.

— Вы — Соколова?

— Да.

— Меня зовут Марина. Я из-под Смоленска. Из деревни Селяне.

— Селяне? Это...

— Сожжённая. Девятнадцатого октября сорок первого. Каратели. Эсэсовцы. Четырнадцать деревень в тот день. Пятьсот восемнадцать человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.